

Кантемир Антиох Дмитриевич

Сатиры

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А72

А72 **Антиох Дмитриевич К.**
Сатиры / Кантемир Антиох Дмитриевич – М.: Книга по Требованию, 2024. – 86 с.

ISBN 978-5-519-88060-2

ISBN 978-5-519-88060-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВСТУПИТЕЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ девяти сатиръ Кантемира, три, помѣщенные въ настоящемъ изданіи, (1, 2 и 9), имѣютъ наибольшую важность, потому что именно въ нихъ авторъ стоитъ на почвѣ современной ему русской дѣйствительности, и именно онѣ съ одной стороны даютъ намъ самое ясное понятіе о свойствѣ и силѣ сатирическаго дарованія Кантемира, а съ другой—проводятъ передъ нами цѣлый рядъ тѣхъ явленій изъ тогдашней русской жизни, которыя, по своему отрицательному характеру, должны были остановить на себѣ вниманіе перваго русскаго сатирика.

Первая сатира («Къ уму своему») была написана Кантемиромъ въ послѣдніе годы царствованія Петра II, когда автору было всего двадцать лѣтъ, (въ 1729 г.). Въ предисловіи къ ней Кантемиръ указывалъ на соединеніе въ его сатирѣ тѣхъ началъ, которыя вообще характеризуютъ его сатирическую дѣятельность: чисто русскаго, по внутренней сторо-

нѣ, т. е. по содержанію, и заимствованнаго—по внѣшней формѣ; онъ говоритъ: «Я, въ сочиненіи своихъ (т. е. сатиръ) наипаче Горацію и Боалу, французу, послѣдовалъ, отъ которыхъ много занялъ, къ нашимъ обычаямъ присвоивъ». Въ примѣчаніяхъ къ этой сатирѣ Кантемиръ неоднократно свидѣтельствуешь, что передаваемые имъ рѣчи «хулящихъ ученіе» — не выдуманныя, а дѣйствительно слышанныя; напр. по поводу разсужденій одного невѣжды о безполезности грамматики, (находившихся въ 1 редакціи этой сатиры *), онъ дѣлаетъ такое примѣчаніе: «Разсужденіе сіе о грамматикѣ нѣсть фикція, (т. е. вымыселъ), автора, но подлинныя рѣчи человѣка не простаго, который, въ компаніи нѣкоей будучи, пользу науки сей такъ грубо охуждалъ». Точно также въ примѣчаніи къ стиху: «въ невѣжествѣ гораздо больше хлѣба жали», сказано: «неоднократно слова сіи слышаны отъ многихъ, что какъ языки и обычаи чужестранные мы стали употреблять, то сталъ у насъ недородъ хлѣба, будто они тому причина». И т. п. О связи многихъ подробностей этой сатиры, (какъ и слѣдующихъ), съ дѣйствительными явленіями и фактами тогдашняго времени свидѣтельству-

*) Въ нашемъ изданіи сатиры напечатаны по позднѣйшей редакціи ихъ.

ютъ примѣчанія, находящіяся въ нашемъ изданіи, и изъ которыхъ значительная часть принадлежитъ самому Кантемиру.

Вторая сатира вызвана отдѣльнымъ фактомъ Петровскаго царствованія—недовольствомъ, которое породила въ нашихъ древнихъ боярскихъ родахъ такъ называемая «табель о рангахъ», отдавая личнымъ заслугамъ предпочтеніе передъ заслугами предковъ,—недовольствомъ, еще долго послѣ Кантемира не исчезнувшимъ въ русскомъ обществѣ: извѣстно, что напримѣръ Крыловъ осмѣивалъ его въ своей знаменитой баснѣ «Гуси». Здѣсь Кантемиръ, еще больше чѣмъ въ 1-й сатирѣ, имѣетъ дѣло съ русскою дѣйствительностью, (припомнимъ напр. описаніе образа жизни отца Евгенія), и, по замѣчанію г. Стоюнина, «сводитъ эту дѣйствительность съ тѣми новыми идеалами, которые у него выработались на основаніи морали, развитой европейскими писателями... Кантемиръ постоянно указываетъ на естественныя права человѣка и на нихъ хочетъ основать отношеніе между людьми» — Названія, данныя авторомъ двумъ лицамъ, между которыми происходитъ разговоръ во 2-й сатирѣ, соотвѣтствуютъ основной мысли ея: Филаретъ значитъ по гречески «любитель добродѣтели», Евгеній — «благорожденный», въ смыслѣ

человѣка «благороднаго», т. е. дворянскаго происхожденія.

Девятая сатира («Къ солнцу») имѣетъ предметомъ явленія, порожденныя русскимъ расколомъ. Г. Тихонравовъ, въ первый разъ напечатавшій эту сатиру въ 1858 г., замѣчаетъ о ней, что она «проникнута такимъ скорбнымъ негодованіемъ», какого нѣтъ, можетъ быть, ни въ одномъ изъ сочиненій Кантемира. Въ этой сатирѣ—говоритъ г. Стоюнинъ—«авторъ имѣетъ въ виду показать, въ какое отношеніе сталъ авторитетъ старины къ новому времени, давшему во имя науки другой образъ русскому человѣку. Односторонне—религіозное увлеченіе части русскаго народа, вызванное расколомъ, живо изображено сатирикомъ въ образѣ мужика, который недавно оставилъ соху, аза въ глаза не знаетъ, безграмотный, а пускается въ богословскіе толки. Въ словахъ его слышенъ живой голосъ современности; они прекрасно передаютъ характеръ и темы богословскихъ споровъ, которые можно было тогда слышать въ невѣжественной толпѣ, не мирившейся со всѣми новизнами... Затѣмъ сатирикъ поднимается въ высшія сферы и тамъ не находитъ ничего благопріятнаго для науки, и съ сокрушеннымъ сердцемъ ви-

дить торжество зла надъ добромъ повсюду, куда ни обратится...»

Къ этимъ тремъ, напечатаннымъ въ настоящемъ изданіи, сатирамъ, больше чѣмъ ко всѣмъ остальнымъ произведеніямъ Кантемира, примѣняется замѣчаніе одного изъ его критиковъ о сатирѣ Кантемира вообще, — что и дѣлаетъ, повторяемъ, эти три сатиры особенно важными для насъ. «Содержаніе ихъ—говоритъ этотъ критикъ—оригинальное, форма заимствованная. Собственный матеріалъ располагается въ нихъ по чужому образцу. Самобытность автора видна и въ выборѣ предметовъ, и въ характеристическомъ ихъ изображеніи, по которому узнаешь народныя, мѣстныя и временныя, отличія изображаемаго; подражательность же—въ способѣ представлять избранный предметъ, въ тѣхъ приемахъ, которыми развивается главная мысль сочиненія. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда авторъ черпаетъ изъ классическихъ писателей, этого достоянія всѣхъ временъ и народовъ,—большею частью видишь на взятомъ печать собственности, на общемъ—русское, ему современное...»

Наконецъ, особенная важность 1-й, 2-й и 9-й сатиры обуславливается тѣмъ, что онѣ, болѣе чѣмъ остальные произведенія Кантемира въ этомъ родѣ,

могутъ быть названы сатирами по сравнительно слабому присутствію въ нихъ элемента дидактическаго и преобладанію собственно-сатирическаго.

Въ настоящемъ изданіи сатиры напечатаны по тексту, редактированному г. Ефремовымъ въ «Сочиненіяхъ Кантемира», изданныхъ г. Глазуновымъ въ 1867 г. При этомъ удержали мы и поставленныя г. Ефремовымъ ударенія на долгомъ слогѣ перваго полустишія, сообразно указанію самаго Кантемира въ его «Письмѣ о сложеніи стиховъ русскихъ»; — во второмъ полустишіи удареніе не поставлено нигдѣ, потому что оно всегда падаетъ на предпоследній слогъ.

САТИРА I.

КЪ УМУ СВОЕМУ.

(На хулящихъ учение).

Уме недозрѣлый плодъ недолгой науки!
Покойся, не понуждай къ перу мои руки:
Не писавъ летящи дни вѣка проводить
Можно, и славу достать, хоть творцемъ не слыти.
Ведутъ къ ней нетрудные въ нашъ вѣкъ пути многи,
На которыхъ смѣлыя не запнутся ноги:
Всѣхъ непріятнѣе тоѣ, что босы проклали
Девять сестръ.¹ Многи на немъ силу потеряли
Не дошедъ; нужно на немъ потѣть и томиться,
И въ тѣхъ трудахъ всякъ тебя, какъ мору, чужится,²
Смѣется, гнушается. Кто надъ столомъ гнется,
Пяля на книгу глаза, большихъ не добьется
Палатъ, ни разцвѣченна мраморами саду;
Овцу не прибавитъ онъ къ отцовскому стаду.

Правда, въ нашемъ молодомъ Монархѣ³ надежда
Всходитъ Мюзамъ немалà; со стыдомъ невѣжда
Бѣжитъ его. Аполлинъ⁴ славы въ немъ защиту
Своей не слабу почуль, чтяща свою свиту

Видѣлъ его самогò, и во всемъ обильно
 Тщится множить жѣтелей парнасскихъ ⁵ онъ сильно:
 Но та бѣда, многіе въ царѣ похваляютъ
 За страхъ ⁶ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ.

Расколы и ереси науки суть дѣти,
 Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
 Приходитъ въ безбòжіе, кто надъ книгой таетъ.
 Критонъ съ чотками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
 И проситъ свята душà съ горькими слезами
 Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:
 Дѣти наши, что предъ тѣмъ тихи и покорны
 Праотческимъ шли слѣдòмъ къ Божіей проворны
 Службѣ, съ страхомъ слѣшала, что сами не знали,
 Теперь къ церкви соблазну Библию честь стали;
 Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
 Мало вѣры подавъ священному чину;
 Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
 Не прибьешь ихъ пàлкою къ соленому мясу;
 Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ;
 Мірскую въ церковныхъ влàсть рукахъ лишну чаютъ, ⁷
 Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
 Помѣстья и вòтчины весьма не пристали.

Силванъ другую вину наукамъ находитъ:
 Ученіе, говоритъ, намъ голодъ наводитъ;
 Живали мы прежь сего, не зная латынѣ,
 Гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ,
 Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали,

Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.
 Буде рѣчь моя слабà, буде нѣтъ въ ней чину,
 Ни связи, должно ль о томъ тужить дворянину:
 Доводъ, порядокъ въ словахъ, подлыхъ ⁸ то есть дѣло,
 Знатнымъ полно ⁹ подтверждать, иль отрицать смѣло.
 Съ ума сошолъ, кто души силу и предѣлы
 Испытаеть; кто въ поту томится дни цѣлы,
 Чтобъ строй міра и вещей вывѣдать премѣну
 Иль причину; глупо онъ лѣпитъ горохъ въ стѣну.
 Приростетъ ли мнѣ съ того день къ жизни, иль въ ящикъ
 Хотя грошъ? могу ль чрезъ то узнать, что прикащикъ,
 Что дворецкій крадетъ въ годъ? какъ прибавить воду
 Въ мой прудъ? какъ бочекъ число съ виннаго заводу?
 Не умнѣе, кто глаза, полонъ безпокойства,
 Коптитъ, печась при огнѣ, чтобъ вызнать рудъ свойства;
 Вѣдь не теперь мы твердимъ, что буки, что вѣди;
 Можно знать различіе злата, серебра, мѣди.
 Травъ, болѣзней знаніе, голы все то враки;
 Глава ль болитъ? тому врачъ ищетъ въ рукѣ знаки;
 Всему въ насъ виновна кровь, буде ему вѣру
 Дать хочешь. Слабѣемъ ли, кровь тихо чрезмѣру
 Течетъ; если спѣшно — жаръ въ тѣлѣ отвѣтъ смѣло
 Даетъ, хотя внутри никто видѣлъ живо тѣло.
 А пока въ басняхъ такихъ время онъ проводитъ,
 Лучшій сокъ изъ нашего мѣшка въ его входитъ.
 Къ чему звѣздъ теченіе числить, и ни къ дѣлу,
 Ни къ стати за однимъ нощъ пятномъ не спать цѣлу? ¹⁰

За любопытствомъ однімъ лишиться покою,
 Ища, солнце ль двѣжется, или мы съ землею?
 Въ часовникѣ ¹¹ можно чѣсть на всякій день года
 Число мѣсяца, и часъ солнечнаго восхода.
 Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида ¹² смыслимъ;
 Сколько копѣекъ въ рублѣ безъ алгебры счислимъ.
 Силванъ одно знаніе слично ¹³ людямъ хвалить,
 Что учить множить доходъ и расходы малить;
 Трудиться въ томъ, съ чего вдрѣгъ карманъ не толстѣетъ,
 Гражданству вреднымъ весьма безумствомъ звать смѣетъ.

Румяный, трожды ¹⁴ рыгнувъ, Лука подпѣваетъ:
 Наука содружество людей разрушаетъ;
 Люди мы къ сообществу Божія тварь стали,
 Не въ нашу пользу одну смысла даръ пріяли.
 Что же пользы иному, когда я запруся
 Въ чуланъ; для мертвыхъ друзей живущихъ лишуся?
 Когда все содружество, вся моя ватага
 Будетъ чернило, перо, песокъ да бумага?
 Въ весельи, въ пирахъ мы жизнь должны провождати;
 И такъ она недолга, на что коротати,
 Крушиться надъ кнйгою, и повреждать очи?
 Не лучше ли съ кубкомъ дни прогулять и ночи?
 Вино даръ божественный, много въ немъ провору;
 Дружить людей, подаётъ поводъ къ разговору,
 Веселить, всѣ тяжкія мысли отымаетъ,
 Скучдость знаетъ облегчать, слабыхъ ободряетъ,
 Жестокихъ смягчитъ сердца, угрюмость отводитъ,